

ОЛЬГА ВЕРБОВАЯ

ЗВЁЗДНАЯ
БЕЗДНА

Ольга Вербова
Звёздная бездна

«Автор»

2025

Вербовая О. Л.

Звёздная бездна / О. Л. Вербовая — «Автор», 2025

Официантка вагона-ресторана Света Ермакова узнаёт от шаманки про ритуал для привлечения мира. Однако того, кто осмелится его провести, ждёт расплата - превращение в странствующую планету...

© Вербовая О. Л., 2025

© Автор, 2025

Ольга Вербовая

Звёздная бездна

«Здравствуйте, Олег Петрович!...»

Эх, не умею я писать письма! Есть ведь люди, у которых это хорошо получается. Бывает, написанные ими строки читаешь и не можешь оторваться. Но я, увы, к таким счастливым не отношусь!

«Слышала я о Вас...»

И не только слышала – ещё и видела.

«И не только слышала – ещё и видела. В зале для трансляции судебных заседаний. Я бы, оказавшись в такой ситуации, точно бы испугалась. Но Вы даже тогда, за решёткой держались как настоящий рыцарь. Не знаю, являетесь ли Вы потомком знаменитого графа Орлова и дворянин ли Вы? Но думаю, Вы ещё лучше! Не всякий согласился бы по доброй воле занять место заложников Будённовской больницы...»

Да, непростое это дело – писать письма такому человеку, как Олег Орлов*. Но раз уж решилась начать...

Я взглянула в окно, будто в поисках подсказки. Поезд как раз проехал очередной лес, коих в Карелии великое множество, и прямо передо мной посреди поля раскинулось тёмное, словно чёрный бархат, небо с мириадами звёзд. Звёздная бездна... Она всегда меня пугала. Казалось, если долго на неё смотреть, она затянет в свою бездонную ловушку, и я никогда уже не буду прежней. Помню, когда мать с отцом в мой шестой день рождения взяли меня в планетарий, я при виде звёздного неба начала плакать. Последний день рождения, когда папа был с нами, и мама ещё не спилась!

Я спешно отвела взгляд от окна и снова вперила взгляд в лежащий передо мной лист бумаги.

«Немного о себе. Меня зовут Света, я работаю официантом вагона-ресторана...»

Ещё пару месяцев назад я бы представилась как почтовый оператор. Но о том я решила Олегу Петровичу не писать. Тем более что именно он отчасти и стал причиной столь резкой смены профессии. Впрочем, с таким же успехом я могла бы обвинить в этом и Вадика, и Марину, и саму себя.

Вадик... Он приходил к нам на почту почти каждый день – забирал письма, которые приходили на организацию, где он работал. Сейчас я не могла бы уже сказать, что в нём было такого – вроде бы даже и не такой уж красавец – однако мы с Маринкой были от него без ума. Потом он впервые пригласил меня после работы на чашечку кофе. Я была на седьмом небе от счастья, Маринка кисло улыбалась, типа радовалась, но втайне, я это знала, завидовала. Ну, уж извини, дорогая коллега, думала я, перебежешься – это мой поклонник!

Собеседником Вадик оказался интересным. Хотя я уже даже и не припомню всего, о чём мы беззаботно болтали за чашечкой кофе. С ним было легко. И уже, конечно, я не могла бы сказать, в какой момент разговор плавно перешёл к новостям о текущих событиях, о политике.

– Вот такие, как Олег Орлов, торгуют Родиной! Наконец-то власти за него взялись, а то совсем обнаглел! Ещё и хвалится, что заложников спасал из Будённовской больницы!

Кто такой Олег Орлов, и в чём он провинился перед Родиной, я толком не поняла, но последняя фраза заставила меня думать, что раз заложников спасать взялся, получается, не такой уж он и плохой человек.

– Переговоры они с террористами вели! В заложники себя предлагали! Какие тут разговоры? Мочить надо было террористов – и всё!

– А может, для него на первом месте было сохранить жизнь невинным людям? Если бы не переговоры, террористы могли их попросту убить.

– Ну, убили бы несколько человек – такова жизнь! Как говорится: лес рубят – щепки летят! А всякие эти муси-пуси только ослабляют наше государство. Ты что же, не хочешь, чтобы наша страна была сильной державой, перед которой трепетал бы Запад? Так что посадят этого Орлова – и правильно сделают! Я бы таких расстреливал на месте!

Я смотрела в глаза человеку, который ещё час назад мне нравился, и не понимала, как можно быть таким циничным. Неужели я в нём ошиблась?

– Если бы не он, не было бы ни Норд-Оста, ни Беслана! – продолжал тем временем Вадик. – На его руках кровь их жертв!

Потом Вадик заговорил о другом, но я уже не особенно его слушала. Любовь с первого взгляда, если это, конечно, была она, угасла, словно прогоревший уголёк, и уже ничто не могло раздуть её снова. Передо мной сидел совершенно чужой человек. Который, судя по последней фразе, явно не дружит с головой.

– Ладно, мне пора, – я решительно схватила сумочку с твёрдым намерением уйти. – Сколько я должна за кофе?

– Свет, ты куда? – Вадик был удивлён как мужчина, от которого девушка сама уходила впервые в жизни.

– Я домой. Спасибо за компанию, но мне, правда, пора. Счастливо! Вот пятисотка – за кофе должно хватить.

Хотя на самом деле чашечка кофе стоила всё-таки дешевле, мне не было жаль денег. Мне было жаль той любви, той симпатии, которая могла бы разгореться между нами, тех иллюзий, которые так быстро сошли на нет. Как достаточно порой пары слов, чтобы познать душу человека!

В тот вечер я была настолько разочарована, что ничего не могла заставить себя делать. И только на следующий день любопытство сподвигло меня погуглить: кто ж такой этот Олег Орлов, и что он сделал такого, чего ему не прощают, умаляя даже прежние добродетели? Оказалось, написал статью, в которой высказался о нынешней ситуации. Не так, как хотело бы Минобороны. Однако чем больше я читала эту самую статью, тем больше у меня складывалось об авторе впечатления как о человеке здравомыслящем. И невероятно смелом. А вот об этом Олегу Петровичу можно было бы и написать.

«Статью Вашу я читала...»

Написать, что полностью согласна? Так ведь письма проверяет цензор. Вдруг и меня за это под белы ручки да в автозак? Написать, что статья плохая? Тогда буду врушей.

«Аргументов против у меня нет от слова совсем. Наоборот, мне кажется, что рассуждаете Вы вполне логично. Даже мне, человеку без образования, ясно, что наша страна оказалась в полной...»

Так, стоп! Бранные слова цензор точно не пропустит.

«...в полной заднице, извините за грубое слово!»

Всё-таки пишу письмо человеку интеллигентному, а может, и дворянских кровей.

«Очень хочу, чтобы война поскорее закончилась, а репрессии прекратились, и Вы вместе с другими политзаключёнными вышли на свободу. Держитесь, не падайте духом! Я верю, что лучшие времена рано или поздно наступят. Верьте и Вы! С уважением! Света Ермакова».

Завтра в Мурманске зайду на почту, куплю конверт и отправлю. Хорошо, почта рядом – чуть в стороне от площади Пяти углов.

Когда Костя и Елена Геннадьевна зашли в купе, я уже лежала на своей верхней полке. Обычно я засыпала быстро, а тут в голове копошились разные мысли. Не глупым ли получилось моё письмо? И о себе я сказала так мало. Хотя что мне про себя рассказывать? О том, как через месяц после того, как пошла в первый класс, моего отца зашибло на стройке? Мы с мамой не успели с ним даже проститься – его и до больницы не довезли. О том, как мама после его смерти стала бухать и водить в квартиру разных алкашей, а меня, чтобы не мешала,

оставляла соседке бабе Наде? Она, одинокая старушка, фактически одна мной и занималась, время от времени пытаясь усовестить мою мамашу. Однако та и слушать ничего не желала: мол, плохо мне, бедной-несчастной и всё! «Доиграешься! – говорила ей баба Надя. – Ничем хорошим это не кончится!» Как в воду смотрела! В один прекрасный день маму арестовали – зарезала по пьяной лавочке очередного собутыльника. Как убивала, чего не поделили – вообще не помнила. Баба Надя хотела взять меня под опеку, но ей не отдали – отправили в детский дом. Мама из тюрьмы писала мне редко – присылала открытки на день рождения, на Новый год. Зато баба Надя частенько навещала меня, интересовалась моей жизнью, приносила разные гостинчики. Вместе мы надеялись, что когда маму выпустят, она придёт, заберёт меня и будет жить по-другому – без водки, без алкашей. Но, увы, на свободу она так и не вышла – через полтора года повесилась в камере, оставив меня круглой сиротой.

После детдома я частенько заходила к бабе Наде – к единственному родному человеку, который у меня остался на этом свете. Пусть и не по крови, но она была мне как родная бабушка. Она же помогла мне устроиться на почту, где до пенсии работала начальником отделения. К тому времени у неё были серьёзные проблемы со здоровьем, и я, бывало, оставалась ночевать у неё, чтобы помочь: приготовить еду, дать лекарства. Хотя она до последнего старалась держаться, очень редко жаловалась. До последнего... До двадцать четвёртого февраля две тысячи двадцать второго года. Я в тот день была на работе, а вечером зашла её навестить. Дверь мне никто не открывал. Тогда я, опасаясь, что с бабой Надей что-то случилось, открыла своим ключом, который она мне дала. Она полулежала на диване, уже совсем остывшая, а на ковре перед работающим телевизором валялся пульт. Врачи говорили: инфаркт миокарда.

«Смерти нет!» – говорила невестка генерала Брусилова, когда её приговаривали к расстрелу.

Так говорила и баба Надя, когда сердце стало пошаливать. Мне так хотелось верить, что она права, и, покинув этот мир, она не исчезла, не умерла, а просто возродилась в другом. В другом мире, в другом теле. Да хоть где – только бы верить, что она есть!

А ведь я рассуждаю совсем как она сама, когда ушёл её Константин. На закате жизни она всё делилась со мной воспоминаниями о своей молодости, показывала фотографии покойного мужа, на которых он красивый парень в офицерской форме. После свадьбы она уехала из родного Киева и моталась с ним по всему Советскому Союзу. Особое впечатление произвела на неё Карелия. Всё это я отчётливо вспоминала, когда наш поезд проезжал Онежское озеро. Против воли мне вспоминались строки из поэмы Кюева, которую я ещё в детстве начала читать, когда рассматривала её книги:

«Эти гусли – глубь Онега,
Плеск волны палеостровской,
В час, как лунная телега
С грузом жемчуга и воска
Проезжает зыбью лоской,
И томит лесная нега
Ель с карельскою берёзкой».

Помню, дальше я читать не стала – мне, маленькой девочке, это показалось слишком сложным и заумным. Может, пришло время погуглить и прочитать? По дороге – не вариант, связь то появляется, то пропадает. Зато в Мурманске будет всё стабильно.

В полдень следующего дня мы приехали в Мурманск. В детстве я представляла этот город как бескрайнюю тундру с вечными снегами и домиками-чумами. Но ещё в прошлый приезд я поняла, как далеки были мои представления от реальности. Обычный городской вокзал, на который можно было подняться по ступенькам прямо с платформы, обычные здания с мага-

зинами, кафешками, какие можно было бы увидеть в ближнем Подмоскowie. Да и на снег в июле-месяце не было и намёка.

Дождавшись, пока Костя вернётся на вагон с сумкой продуктов, я отправилась в город. Через переезд со шлагбаумом и со стелой, посвящённой путейцам Заполярья, вышла к Ледовому дворцу, оттуда прошла к площади Пяти углов, посреди которой навеки застыл в каменной скульптуре Анатолий Бредов. Как я уже успела погуглить, герой Великой Отечественной войны, подорвавший себя гранатой, чтобы не попасть в окружение. Простите нас, Анатолий Фёдорович! Вместо того, чтобы ценить мир, за который Вы сражались и погибли, ввязываемся в вооружённые конфликты, нужные только политикам и чинушам.

Мысленно извинившись перед павшим героем, я свернула вправо, прошла мимо кафетерия «Юность» и вскоре оказалась возле почтового отделения. Ну, здравствуйте, бывшие коллеги, привет вам от московского Почтамта! Те, улыбались: спасибо, мол, московским от нас также большой привет! Не знаю, правда, когда я их увижу, но как только, так непременно передам. Кстати, вот письмо, нужно отправить простым, как там по весу, хватает марок или ещё доклеить? Хватает? И замечательно! Счастливо, всем хорошего дня!

Возвращаясь обратно, я подумала о том, как легче порой бывает общаться с людьми, которых видишь впервые в жизни, чем с теми, с кем несколько лет работала бок о бок. Самовлюблённый Вадик не простил мне того, что сбежала со свидания. На следующий день пришёл на почту и, демонстративно не замечая меня, стал оказывать Маринке знаки внимания, словно желая показать: смотри, Светка, кого ты потеряла! Когда же увидел, что я не спешу устраивать сцену ревности, пошёл другим путём – рассказал всему отделению, а заодно и другим клиентам в очереди, будто вчера я так на него вешалась, что он из жалости со мной переспал, и что в постели я оказалась ну просто бревном. Вот Маринка – другое дело – яркая, сексапильная! А та и рада – закрутила с Вадиком, не задумываясь. И потом с гордостью рассказывала, как у них всё в шоколаде, какой он любовник потрясающий, да и она его не разочаровывает, в отличие от некоторых. Другие коллеги, а также клиенты, которым Вадик уже успел рассказать свою версию нашего неудавшегося романа, тоже стали смотреть на меня косо – как на какую-то убогую жабу, возомнившую себя царевной-лягушкой, достойной принца. После этого я уволилась с почты.

Конечно, я могла устроиться в другое почтовое отделение, но неожиданно для себя поняла, что соскучилась сидеть целыми днями за письмами, посылками. Захотелось чего-то нового, чем я никогда прежде не занималась. Случайно ли мне на сайте попала вакансия официанта вагона-ресторана? Или это была судьба? Так или иначе, я на неё откликнулась, и вот уже несколько месяцев каталась на поездах: разносила касалетки с едой, принимала заказы у посетителей ресторана, убиралась в вагоне. Работа, конечно, выдалась нелёгкой, но, как говорится, кому сейчас легко? В сравнении с тем же Орловым, так мне вообще следовало благодарить Господа, что не попала под каток репрессий!

В самом начале карьеры меня направили в Санкт-Петербург. Фирменный поезд, пять вагонов СВ, два люкса, из бригады я, директриса, пьющий бармен и парочка студентов, которым лишь бы похалаявить. Так что нам с директрисой пришлось нескучно. Потом был поезд на Архангельск, на котором из работников были только я и директриса. Хорошо, кормить приходилось только купейников, но в одиночку было сложновато. К тому же начальница оказалась типичным токсом – вечно всем недовольная, придиралась по любому поводу. Поэтому, когда нас сменили, я просто заблокировала её номер и зареклась с ней куда-то ещё ехать. Зато на мурманском поезде, по счастью, кроме нас с директором, оказался ещё и повар – Костя, и другой официант – Наташа. Елена Геннадьевна, хоть и бывает порой вспыльчивой, но человек в принципе не злой. И в отличие от «архангельской» директрисы, не попрекает меня детдомовским прошлым. Правда, если бы узнала, что я написала письмо политическому заключённому, думаю, вряд ли отнеслась бы положительно. Ведь когда в вагон-ресторан приходят участники

СВО, она с ними как с сыновьями родными. Ну, а я... Конечно, я с ними вежлива, как положено по должностной инструкции. Но пожимать им руки, подсаживаться к ним, чтобы поболтать, обмениваться телефонами – это уже лишнее. Вряд ли я когда-нибудь смогу понять готовность брать в руки оружие и идти убивать за деньги. Тем более если человек, получив оные, потом не знает, что с ними делать. Тот, кто знает, не пойдёт в вагон-ресторан их пропивать. А уж пьяные эти «дорогие гости» порой превращаются просто в нечто. В такое, что, бывало, наряд полиции не раз снимал их с поезда. Те, кто потише, ограничиваются пьяным хохотом, загрязнением скатертей, туалетов, приставанием к официанткам. Девушка, Вы замужем? Отвечаю, что да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.